

О. А. Фарафонова

Жанровое своеобразие дневниковых записок

С. А. Порошина

Статья посвящена выявлению и описанию жанровой специфики дневника воспитателя и учителя Павла I С. А. Порошина «Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича» (1765–1766). Памятник русской мемуаристики анализируется в контексте основных тенденций русской культуры и литературы второй половины XVIII века. Делается вывод, что «Записки...» Порошина находятся на стыке двух ведущих тенденций развития русской мемуаристики в XVIII веке, совмеща признаки мемуаров, посвященных историческому событию или личности, современником которого был автор, и автобиографии. Точка зрения автора и его концепция воспитания просвещенного монарха становится началом, объединяющим дискретные подневные записи о пребывании Порошина в должности «кавалера» при наследнике престола в единое повествование, кумулятивный сюжет которого демонстрирует процесс становления личности будущего правителя. Сам же Порошин предстает в дневнике не только как свидетель описываемых ситуаций, но как всезнающий и рефлексирующий о возможных причинах и последствиях увиденного и услышанного автором.

Ключевые слова: С. А. Порошин, дневник, мемуары, историко-биографический анекдот, апофтегма.

Для цитирования: Фарафонова О. А. Жанровое своеобразие дневниковых записок С. А. Порошина // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 10–27. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_10. EDN: DCJYDZ

«Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича», принадлежащие перу воспитателя и учителя будущего российского императора С. А. Порошина, – неординарное явление в истории русской мемуаристики, редко попадающее в поле зрения литературоведов.

В свое время насыщенная, но недолгая жизнь Порошина и его «Записки...» стали центром исторической повести «Опасный дневник», написанной советским филологом, исследователем русской литературы XVIII века А. В. Запа-

довым [7]. Современные исследователи считают Порошина «незаурядной личностью», оказавшей «значительное влияние на формирование нравственных качеств царевича» [6, с. 60]. Имя Порошина включается в контекст екатерининской эпохи при ее изучении с разных точек зрения [4]. Мемуаристу, писателю и переводчику Порошину посвящена статья В. П. Степанова во втором выпуске «Словаря русских писателей XVIII в.» [19; с. 477–479]. Исследователь называет «Записки...» Порошина «литературно-назидательным сочинением» и отмечает, что «в отборе фактов <...> прослеживается обдуманная воспитательная тенденция» [19, с. 479].

Чаще всего дневник Порошина рассматривается в качестве документального источника в контексте исследований биографии Павла I [9; 13; 16; 18], истории воспитания и образования [6; 10] или истории дворцового быта и церемониала, русской культуры и общественно-философской мысли в целом [3–5; 8; 17].

Отчасти опираясь на «Записки...» Порошина, В. И. Сергеев в книге, посвященной Павлу I, прослеживает истоки увлечения российского монарха идеями и историей рыцарства, в частности, Мальтийского ордена, гроссмейстером которого он станет впоследствии [16; с. 88–95].

Видя в «Записках...» Порошина исключительно важный источник для воссоздания истории детства Павла Петровича, А. М. Песков отдает должное личности автора, который «сумел очень подробно и аналитически запечатлеть натуру Павла», поскольку был человеком «наблюдательным и умным» [13, с. 8]. Исследователь считает свидетельство Порошина настолько значимым, что помещает сокращенный текст «Записок...» в биографии Павла I, написанной для серии «Жизнь замечательных людей» [13; с. 222–241].

В. Проскурина использует дневниковые записи Порошина как источник, содержащий ценные наблюдения о быте двора Екатерины II и характере отношений между составившими его людьми [15, с. 52, 95].

Н. Ю. Бахарева и В. А. Семенов, предваряя современное научно подготовленное издание мемуаров Порошина, называют его «Записки...» «интереснейшим литературным и историческим памятником» и отмечают, что они «по сей день остаются одним из важнейших источников

для исследователей, обращающихся к разным проблемам российской истории XVIII в.» [1, с. 5, 10].

Согласившись с тем, что «Записки...» Порошина являются одним из ценнейших и чрезвычайно подробных источников информации о жизни русского двора и условиях формирования личности и характера будущего российского императора Павла I, отметим, что самостоятельным объектом литературоведческого изучения этот примечательный во многих отношениях текст до сих пор не был. На жанровое своеобразие дневника Порошина с разными целями обращали внимание А. Г. Тартаковский [20] и М. Я. Билинкис [2].

А. Г. Тартаковский, систематизировавший русские мемуарные тексты XVIII – первой половины XIX веков, называет дневник Порошина «ценнейшим по разнообразию и достоверности фактических сведений по истории XVIII в. мемуарным памятником» и не сомневаясь относит «Записки...» Порошина к безусловно значимым текстам русской мемуаристики [20, с. 111]. Однако вопрос жанровой специфики дневника Порошина интересовал Тартаковского с точки зрения типологии и истории публикаций дневника Порошина в контексте бурно развивающейся в XVIII веке русской мемуаристики. Разделив весь корпус русских мемуаров на дневники (как «исторически первичную и простейшую форму запечатления личностью опыта своего участия в исторической жизни») и воспоминания (как «более сложную и развитую форму мемуарной культуры»), Тартаковский относит «Записки...» Порошина именно к первой категории [20, с. 8, 264].

В работе Билинкиса обращение к «Запискам...» Порошина было мотивировано изучением логики процессов, определявших движение русской прозы XVIII века «от словесности к собственно литературе, от подневных записей летописного типа к роману и повести» [2, с. 3]. Исследователя интересует эволюция жанровых форм и истоки русской прозы. Он рассматривает дневник Порошина в контексте других известных мемуарных произведений подобного рода и отмечает, что «дневниковый жанр предполагает для Порошина обязательное присутствие рассказчика во всех описываемых событиях» [2, с. 40]. Такая безусловная включенность автора и повествование о ежедневных событиях

от первого лица – явный признак жанра дневника. Билинкис также указывает, что дневник Порошина существовал в двух вариантах: «дневник для истории» и «дневник для Панина», бывшего главным воспитателем наследника престола и порекомендовавшего Порошина на должность «кавалера» при цесаревиче. Билинкис, анализируя проявление авторского «я» в «Записках...» Порошина, указывает на определенную двойственность его положения – «сегодня – наставник, завтра – подданный», – определившую во многом структуру обоих текстов и способы изложения событий.

Н. И. Панину, узнавшему о существовании дневника и потребовавшему его себе для прочтения, Порошин предоставляет «сокращенный вариант, в котором события не комментируются, а только перечисляются в хронологической последовательности» [2, с. 41]. В данном случае Порошин предстает исключительно летописцем Павла Петровича, не проявляющим себя. «Дневник для истории», который, по замыслу его автора, должен был впоследствии стать основой «настоящей истории» Павла Петровича, фиксирует не только ситуации, но и взаимоотношения между «Ментором-Порошиным» и его учеником, и не предназначается для глаз Панина. Здесь Порошин фиксирует и описывает все происходящее при дворе наследника значительно подробнее: фиксируются «все разговоры, которые ведутся при Павле <...>. Порошин комментирует наследнику рассказы Панина <...> и объясняет труды французских философов. Связь наследника с внешним миром осуществляется исключительно через Ментора-Порошина, и посредников здесь быть не может» [2, с. 41]. В пределах одного текста позиции летописца и ментора не смешиваются: это, как отметил Билинкис, «действители разных текстов» [2, с. 42].

Отмеченной Билинкисом двойственностью положения Порошина при дворе можно, как нам представляется, только отчасти объяснить наличие двух текстов дневника – черновых ежедневных записей и развернутого, литературно обработанного текста, но не жанровое своеобразие «Записок...». Общим «знаменателем» «дневника для истории» и «дневника для Панина» является хронология событий. Во всем остальном это разные по своим задачам и способу их реализации тексты.

И, если первый сопоставим с другими аналогичными записками, которые велись придворными (например, с «Памятными записками» статс-секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого), то второй в жанровом плане более сложен.

Текст «Записок...» занимает «промежуточное положение» между записками самовидцев, как определяли себя авторы записок о Петре I (А. К. Нартов, Н. И. Кашин) и личными дневниками конца XVIII – начала XIX веков, где на первом месте собственное «я» (А. И. Тургенев, П. Н. Львова). В «Записках...» Порошина имеет место характерная для мемуарных текстов первой половины XVIII века фиксация «внеличного» (события, поступки, высказывания другого человека, значимой исторической личности, в данном случае – наследника престола). Отличие дневника Порошина от аналогичных дневниково-мемуарных произведений заключается в выражении совершенно очевидной и целостной личной точки зрения автора не только относительно описываемых событий и персонажей, но, главное, относительно общей концепции воспитания наследника престола и формирования человеческого характера. Поставив перед собой цель написать «настоящую историю Павла Петровича», Порошин каждый вечер делал записи всего, что произошло за день, затем обрабатывал эти черновые записи, добавляя собственные комментарии и размышления и выстраивая более целостный текст «Записок...». Сочетание кумулятивно-летописного сюжета, дневниковой структуры, авторской рефлексии и по объективным причинам открытого финала превращает дневник Порошина в уникальное в жанровом отношении произведение русской мемуаристики второй половины XVIII века.

Материалы и методы

Дневник, который Порошин вел в течение 1764–1766 гг., после смерти автора хранился у его брата И. А. Порошина, был впервые в сокращенном виде опубликован в 1810 г. в «Вестнике Европы». У исследователей есть основания полагать, что эта публикация была подготовлена В. А. Жуковским [20, с. 111]. Первая публикация «Записок...» Порошина отдельным изданием состоялась в 1844 г. стараниями его внучатого племянника профессора Петербургского университета В. С. Пороши-

на. Ценность этой публикации заключается в том, что именно она положила начало изучению рукописи Порошина и других «документов, связанных с его деятельностью при дворе наследника престола» [1, с. 9]. В 1869 г. в «Русском архиве» были опубликованы недостающие фрагменты рукописи Порошина, обнаруженные в семейном архиве потомков сестры Порошина, а в 1881 г. М. И. Семевский осуществил публикацию «Записок...» Порошина на основании рукописи, хранившейся в Павловском дворце и принадлежавшей императору Павлу I.

Современное научно подготовленное издание дневника Порошина было предпринято Н. Ю. Бахаревой и В. А. Семеновым в 2015 г. Высказав предположение, что оригинальная рукопись «Записок...» Порошина хранилась «в семейном архиве, который, вероятно, был разделен между его родными», исследователи публикуют текст по изданию 1881 г., сверяя его с публикацией 1844 г. В статье учитываются все отмеченные публикации, поскольку издатели каждой из них по-разному обрабатывали и комментировали текст, руководствуясь различными основаниями. Цитирование «Записок...» Порошина осуществляется по последнему изданию, подготовленному Н. Ю. Бахаревой и В. А. Семеновым.

Исходной гипотезой, объясняющей жанровую специфику «Записок...» Порошина, является то, что они находятся на стыке двух направлений развития мемуарного жанра в русской литературе XVIII века, совмещающая тяготеющие к объективности повествования мемуары об исторической личности или событии, современником которых был автор, и субъективные воспоминания о себе и своей жизни. Личность автора и его точка зрения становятся определяющим фактором, обеспечивающим традиционно дискретному дневниковому изложению событий целостность мемуарного повествования.

Объектом исследования в статье является жанровая специфика дневниковых записок Порошина, для характеристики которой применяются сравнительно-исторический и герменевтический методы исследования. Цель представленного в статье исследования состоит в выявлении и описании композиционных и повествовательных особенностей «Записок, служащих к истории ... Павла Петровича», обуславливающих жанровое своеобразие текста дневника Порошина.

Результаты

Семен Андреевич Порошин (1741–1769) – русский публицист, мемуарист и писатель второй половины XVIII века, один из воспитателей будущего императора Павла I. В 1759 г. по окончании Сухопутного шляхетского кадетского корпуса был оставлен при нем преподавателем математики. Через полтора года он назначен флигель-адъютантом Петра III в ранге подполковника. Его первым поручением в этой должности было сопровождение в Россию из Кёнигсберга двоюродного дяди Петра III и родного (по матери) дяди Екатерины II голштинского принца Георга, которого император назначает на должность генерала-фельдмаршала русской армии и прочит ему место главнокомандующего в планируемой войне с Данией. Следующее поручение, полученное Порошиным от Петра III, заключалось в том, чтобы быть неотлучно при графе Н. И. Панине и следить за каждым его шагом. Порошин находился при Панине и в беспокойные дни перед переворотом 1762 г., но, как отметил В. П. Степанов в статье о Порошине в «Словаре русских писателей XVIII века», «не противодействовал заговорщикам» [19, с. 477]. Вскоре после переворота 16 июля 1762 г. Порошин по рекомендации Панина получает должность «кавалера» (воспитателя и учителя) при великом князе Павле Петровиче. В этой должности Порошин оставался до 1766 г. В 1764 г., когда Павлу Петровичу исполнилось 10 лет, Порошин начинает вести дневник своего пребывания в роли воспитателя при дворе наследника, сожалея, что эта мысль не пришла ему в голову с самого начала службы.

В жанровом отношении «Записки...» Порошина представляют особый интерес в контексте изучения становления и развития русской мемуаристики, поскольку в них имеет место контаминация двух способов «отражения действительности»: собственно дневниковой – синхронной, и мемуарной – ретроспективной. В «Записках...» Порошина, объектом которых выступает его воспитанник Павел Петрович, находит отражение и характерная для жанра дневника значимость авторского «я». При этом перед нами не интимный дневник, а записи, которые Порошин затем читает цесаревичу и показывает придворным. Это «тщательно продуманные и проработанные заметки и рассуждения» [1, с. 13].

Дневниковая форма «Записок...» Порошина определяет только внешнюю структуру повествования – запись по дням, фиксирование конкретных дат. Непосредственные дневниковые записи он дополнял развернутыми собственными рассуждениями на разные темы. Пусть временной промежуток, отделяющий непосредственную фиксацию произошедшего от присовокупления собственных размышлений и выводов, сделанных позже, невелик в сравнении с мемуарами как таковыми. Однако именно эти дополнения, отражающие авторскую точку зрения, и обеспечивают запискам Порошина целостность, отличную от традиционной дневниковой формы изложения событий. В отличие от дискретного изложения фактов в типичных дневниках, текст «Записок, служащих к истории Его императорского высочества» объединен пристальным вниманием автора к одному герою (Павлу Петровичу) и общей концепцией воспитания монарха. Здесь можно сравнить «Записки...» С. А. Порошина с дневником А. В. Храповицкого, который, как отметил Тартаковский, «на протяжении 11 лет и 7 месяцев <...> почти стенографически в регулярных поденных заметках фиксировал все, чему был свидетелем у кормила правления» Екатерины II [20, с. 213]. Однако, в отличие от «Памятных записок» Храповицкого, Порошин в своем дневнике не является «немым свидетелем» происходящего. Порошин – автор, имеющий свою точку зрения и не скрывающий ее.

В самом начале записок Порошин высказывается относительно манеры и общей формы их ведения, ориентируясь, очевидно, на принципы жизнеописания, сформулированные еще Плутархом: «Если в сих повседневных записках кому что мало-важным покажется, тому я отвечаю, что иногда, по-видимому, и неважные бы вещи лучше, нежели прямые дела, изображают нрав и склонности человеческие, особливо в нежной младости. <...> Всякой вечер записывал я, что днем произойдет, и не мог на то употребить более часа или полутора часов времени, за другими моими упражнениями и делами» [14, с. 34].

Порошин предваряет свой дневник предисловием, очевидно ориентируясь на будущего читателя. К сожалению, практически невозможно определить, было ли это небольшое предисловие написано Порошиным «в моменте», т. е. именно тогда, когда он начинает свои «Записки...», или же добавлено

позже при редактировании и дополнении дневника. Но нехарактерная для собственно «повседневных записок» установка на «другого», безусловно, обращает на себя внимание и ставит «Записки...» Порошина значительно ближе к собственно мемуарам, автор которых вполне отдает себе отчет, что его записи не носят интимного характера, а имеют надличностную (общественную и государственную) ценность.

Эту главную и текстоформирующую интенцию дневника Порошина вполне «считал» его внучатый племянник В. С. Порошин, который в предисловии к публикации записок 1844 г. писал: «В государстве самодержавном воспитание Государя есть первый и коренной закон» [14, с. 18]. Порошин-младший, по сути, воссоздает теорию воспитания монарха, изложенную в дневнике его деда, ставя ее в один ряд со всеми известными «руководствами, исключительно посвященными назиданию Государей» [14, с. 23].

Проблема воспитания правителя была одной из ключевых и обсуждаемых в эпоху Просвещения. «Мысль о том, что от государя зависит нравственное и умственное состояние подданных, относится к числу общераспространенных в эпоху Просвещения» [11; с. 313–314]. Н. И. Панин, руководивший общим воспитанием Павла Петровича, чрезвычайно был увлечен идеей правильного воспитания будущего монарха. По его замыслу, цесаревич должен был стать первым поистине просвещенным российским правителем, с ним Панин «связывал судьбу своих реформационных планов» и «свою основную задачу <...> видел в политическом воспитании самодержца» [19, с. 409]. Очевидно, что воспитательные идеи Панина были близки и Порошину. Еще до своего назначения на должность «кавалера» наследника престола он всерьез занимается этим вопросом: в 1757 г. переводит «Письмо к приятелю о сравнении Александра Великого с Карлом XII, королем шведским», в 1759 г. «Письма Марка Аврелия к Пирамону...», а также «Содержание мечтательных игр об Александре раскаявшемся». По замечанию В. П. Степанова, записки Порошина, по сути, представляют собой «литературно-назидательное сочинение, которое должно было дать юному государю возможность посмотреть на себя со стороны и увидеть пути исправления своих недостатков» [19, с. 479]. Так происходит потому, что, приступая к своим «Запи-

скам», Порошин, очевидно, имел вполне четкую концепцию (образ) текста, который должен был у него получиться в итоге: «Читая “Записки” С. А. Порошина, мы не должны забывать, что перед нами не интимный дневник, содержание которого должно быть скрыто от посторонних. Автор делает записки, которые затем читает цесаревичу, показывает придворным. Их следует рассматривать как тщательно продуманные и проработанные заметки и рассуждения» [1, с. 13].

Традиция известных в России к 1760-м годам воспитательно-биографических сочинений была обширна: от античных биографий философов и императоров до западноевропейских сборников анекдотов о «просвещенных государях». Как отмечает Е. К. Никанорова, «основным материалом» для таких сборников «служили маловажные, на первый взгляд, слова и поступки известного лица, имевшие отношение не только к публичной, но и к частной, домашней жизни» [11, с. 17].

«Тема власти и образ правителя получили детальную разработку» уже в литературе античности [11, с. 30]. В качестве основных имен можно назвать Цицерона, Плиния Младшего, Плутарха. Отметим, что помимо античных образцов начитанный и владеющий иностранными языками Порошин ориентируется и на более современные ему теории воспитания. 1760-е годы становятся временем, когда в России были переведены и опубликованы многие педагогические трактаты, в частности, «Мысли о воспитании» Дж. Локка, появляется внимание к ребенку и его внутреннему миру. «Записки...» Порошина соединяют идею воспитания идеального государя с внимательными наблюдениями за становлением личности. Стремясь создать «настоящую историю Павла Петровича» и не упуская из поля зрения ничего, что происходит с цесаревичем, Порошин описывает процесс воспитания идеального государя и одновременно следит за взрослением человека. Два плана – частный (прогулки, обеды, режим дня, игры) и общественный (поведение на людях, во время официальных церемоний, праздников и т. п.) – становятся в последовательном повествовании Порошина ведущими и, в силу возраста героя, зачастую неразделимыми.

Большое внимание уделено беседам, которые ведутся взрослыми в присутствии Павла Петровича за обедом или

чаем. Порошин тщательно фиксирует, кто именно составляет наследнику компанию, подробно пересказывает, о чем разговаривают присутствующие. В определенном смысле такие фрагменты записок похожи на «Застольные беседы» Плутарха: «Сели мы за стол. Из посторонних обедали у нас г. Салдерн и Карл Федорович Круз <...> Говорил Его Превосходительство Никита Иванович между прочим Великому Князю о немецком языке, что он мало в нем успевает. И как Его Высочество отвечал, что он хотя сам не говорит, однако что говорят другие, то почти все понимает, когда говорят не очень скоро, то пошутил тут над ним Никита Иванович, говоря, как у нас иные о себе сказывают, что они грамоте только про себя умеют. Наконец разговорились мы о неустрашимости. <...> Зашли и далее в рассуждение, и говорили, что между дерзостию и неустрашимостию справедливое различие делать надобно. Говорил я о Государе Петре Великом, что он от природы, как сказывают, не весьма храбр был, но что слабость свою преодолевал рассуждением, и в бесчисленных случаях показывал удивительное мужество, что не токмо не умаляет его великости, но еще утверждает ее» [14; с. 256–257].

Важно, что образ Петра Великого в таких беседах присутствует постоянно, он становится безусловным ориентиром в выстраивании концепции воспитания просвещенного государя и в «Записках...» Порошина. Истории о Петре I, рассказываемые в присутствии Павла Петровича, имеют характер исторического анекдота. Отметим, что тема «великого преобразителя России» к этому времени уже несколько десятилетий была одной из центральных в русской (и не только) литературе и «получила разработку как в письменной традиции (исторические, биографические, риторические сочинения), так и в устной (исторические предания, песни и сказки о Петре)» [11; с. 113–123]. Сборники анекдотов о Петре Великом будут изданы почти на 15 лет позже, но Порошин активно использует их, предлагая своему воспитаннику «модель должного поведения в определенной ситуации» [12, с. 39].

Отметим, что историко-биографический анекдот как таковой был неотъемлемой частью культуры русского общества второй половины XVIII века, поэтому совершенно не удивительно, что в «Записках» Порошина пересказывают-

ся и другие анекдоты, которые он и его воспитанник слышат в беседах за чаем или обедом: «Еще же Никита Иванович изволил рассказывать, что он слышал от графа Ржеутского, а Ржеутский <...> от самого старика министра графа Понятовского, что он был тогда в Гданьске, когда фельдмаршал граф Миних во владение императрицы Анны Иоанновны взял город сей приступом. Граф Миних имел тогда повеление взять его под караул. Услышавши о сем, граф Понятовский сам пришел к нему: побыл с ним полчаса. Фельдмаршал отпустил его с учтивостью и не коснулся до его свободы. Как граф Ржеутский и нынешний Его Величество король Польский спросили старика графа Понятовского: “Что ж за причина, что он не задержал вас по повелению?” То на сие отвечивал им министр: “Я тогда говорил ему то, чего он никому не перескажет, и он говорил мне то, чего я никогда никому не перескажу”» [14, с. 51].

Услышанные от Панина и воспроизведенные в «Записках...» Порошина анекдоты встраиваются в общий контекст воспитания: все, что происходит вокруг наследника (разговоры, встречи, обучение и пр.), осмысливается автором как неотъемлемая часть воспитательного процесса и становится основой повествования.

Идея воспитания просвещенного государя сказывается в отборе фактов, интерпретации описываемых ситуаций повседневной жизни во дворце. Замысел Порошина написать впоследствии «настоящую историю» Павла Петровича обуславливает то, что по отношению к своему воспитаннику он очень внимателен. Наблюдая за Павлом в повседневной жизни и во время «обыкновенного ученья», Порошин подмечает многое: кому симпатизирует Павел Петрович, кто из окружения ему неприятен, какие вопросы/предметы особенно интересуют, в связи с чем возникают перепады настроения, каков наследник в общении с другими и т. п.

Ведя свои «Записки...» в форме дневника, Порошин старается показать среду, в которой воспитывается Павел, и очевидно выделяет для этого самые примечательные разговоры/события/слова/поступки будущего императора.

Таким образом, специфика общей структуры повествования в «Записках...» Порошина обусловлена наличием двой-

ного фокуса, совмещающего синхронное фиксирование происходящего и последовательное раскрытие концепции правильного воспитания будущего монарха. На фоне плавного течения дней с описанием пробуждения наследника, его занятий в течение дня, бесед за столом во время чая или обеда и т. п. часто выделяются достаточно яркие эпизоды, иллюстрирующие ум и нрав будущего императора. Одни из них по своей структуре и содержанию соответствуют историко-биографическому анекдоту, другие представляют собой классическую апофтегму: «Окончив урок исторический, переводил русские ведомости на французский язык. Читая оные ведомости прежде вслух изволил два раза чихнуть, и сказать после: “Два раза я чихнул, и все на запятых, что-то будет как дойду до точки”» [14, с. 66]; «Рассматривая генеральную карту Российской Империи, сказать изволил: “Эдакая землище, что сидючи на стуле всего на карте и видеть нельзя, надобно вставать, чтоб оба конца высмотреть”» [14, с. 115].

То, какие именно эпизоды в «Записках» Порошина оформляются им как историко-биографические анекдоты-апофтегмы, зависит от ролей, в которых он видит себя и своего героя. Порошин, как уже отмечалось выше, находится в двойственном положении, совмещая роль учителя и наставника с ролью подданного. Павел Петрович для него одновременно десятилетний ребенок и ученик, которого он воспитывает, и государь, которому он должен подчиняться. Анекдотические эпизоды, соответственно, распределяются на две группы: те, в которых акцент сделан на смысленности, остром уме и добром от природы нраве Павла, и те, в которых он предстает не по годам мудрым наследником престола.

Оформление в записках Порошина некоторых эпизодов из жизни и обучения Павла Петровича в виде анекдотов-апофтегм имеет определенный беллетристический потенциал, заключающийся, прежде всего, в том, что в центре внимания автора (и читателя) оказывается не столько сама система обучения и воспитания (что, безусловно, крайне важно в общей концепции дневника), сколько формирующийся характер будущего правителя и те факторы, «которые влияют на его формирование и развитие, включая сферу частной жизни и быта» [11, с. 39]. Конечно, эти эпизоды не разворачиваются в самосто-

тельные сюжеты, но они становятся частью общего сюжета «Записок...» Порошина – сюжета о воспитании монарха.

Представляется, что у подобных эпизодов есть и еще одна немаловажная функция в контексте этого нетипичного дневника – создание определенной эмоциональной ауры. В отношениях учитель-ученик, равно как и государь-подданный, в «Записках» Порошина важное место занимает трогательное чувство симпатии, уважения и доверия между учителем и его учеником. Бахарева и Семенов справедливо указывают, что Порошин не все помещает на страницы своего дневника, он «остаётся верным хранителем тайн своего юного друга, доверяющего ему свои личные переживания, сокровенные мысли» [1, с. 7]. Типичная для жанра дневника интимность переживания присутствует и в «Записках...» Порошина, но распространяется не только на автора, как основного носителя переживания, но и на героя повествования: «С некоторого времени примечаю я, что Его Высочество начал становиться слишком резов и несколько своенравен. Ведаю тому причину; да пусть я только один ее ведаю» [14, с. 258].

Обсуждения и выводы

Для понимания уникальности «Записок...» Порошина, в том числе и жанровой, важно, что эти «повседневные записи» велись им не для себя: это был текст, который изначально задумывался как публичный. Однако то, что их первая сокращенная публикация состоялась в 1810 г., заставило В. П. Степанова отметить, что «Записки...» «оказались вне процесса развития мемуарной литературы XVIII в., оставаясь примечательным образцом раннего повествовательного стиля» [19, с. 479]. Исследователь также указывает, что с рукописи Порошина после смерти Екатерины II распространились списки. Однако такое положение вещей не отменяет того факта, что «Записки...» Порошина в полной мере отразили ключевые тенденции развития русской мемуаристики второй половины XVIII – начала XIX века. Это дневник, но дневник необычный. Можно говорить о целостности повествования и элементах его беллетризации путем включения пересказываемых анекдотов (например, о Петре I) или оформления отдельных эпизодов ежедневной истории

воспитания Павла Петровича в виде анекдотов-апофтегм. Важно, что в случае с записками Порошина анекдот создается здесь и сейчас, он буквально вырастает из «пены дней». Но, в отличие от, например, автобиографических произведений Г. Р. Державина или М. В. Данилова, в данном случае анекдот является не способом презентации себя или истории своего рода. Модель историко-биографического анекдота и апофтегмы задействуется в ее классической функции – рассказ о правителе, позволяя Порошину запечатлеть своего героя «отчетливыми штрихами» [13, с. 241].

«Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества ... Павла Петровича» С. А. Порошина, являясь по своей природе дневниковыми записями, тяготеют к мемуарам как таковым: череда записанных эпизодов, в конце концов, выстраивается в единый кумулятивный сюжет, главным героем которого является юный Павел Петрович. Сам же Порошин предстает в своем дневнике не только как свидетель описываемых ситуаций, но как всезнающий и рефлексирующий о возможных причинах и последствиях увиденного и услышанного автор.

Список литературы

1. Бахарева Н. Ю., Семенов В. А. Глас истинного долга и усердия // Порошин С. А. Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. – М.: Кучково поле, 2015. – С. 5–13.
2. Билински М. Я. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – 104 с.
3. Бугров К. Д. «Дискурс Монтескье»: роль интеллектуальных заимствований в политических проектах Н. И. Панина // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 66. – № 4. – С. 32–43.
4. Бугров К. Д. «Дело Волынского» в политическом контексте начала 60-х гг. XVIII в.: Н. И. Панин и Екатерина II // Наука и современность. – 2010. – № 1-1. – С. 114–118.
5. Готовцева А. Г. «Достойнейшее упражнение ученого человека»: литературные переводы в первом русском журнале // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2018. – Т. 23. – № 4. – С. 466–476.
6. Дудникова О. Г. Воспитание и образование царских детей: эволюция системы. Вторая половина XVIII – первая половина XIX века // Аксиологические проблемы педагогики: сборник научных трудов. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2014. – С. 55–63.
7. Западов А. В. Опасный дневник. Историческая повесть. – М.: Советский писатель, 1974. – 360 с.
8. Зорин А. Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 568 с.
9. Конькова О. Ю. Личность императора Павла I в оценках французских и русских мемуаристов // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2015. – № 2. – С. 104–108.

10. Лелина Е. И. Формирование системы обучения и воспитания наследников престола в императорской России // Альманах современной науки и образования. – 2016. – № 6 (108). – С. 54–59.
11. Никанорова Е. К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: Анекдоты о Петре Великом. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 468 с.
12. Никанорова Е. К. Мотив неузнанного императора в его сюжетных и текстовых модификациях (на материале исторических анекдотов XVIII – первой половины XIX веков // Сибирский филологический журнал. – 2009. – № 1. – С. 36–47.
13. Песков А. М. Павел I. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 442 с.
14. Порошин С. А. Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. – М.: Кучково поле, 2015. – 592 с.
15. Проскурина В. Ю. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 328 с.
16. Сергеев В. И. Павел I. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 512 с.
17. Скопцова Е. А. Куртаги как одна из форм светского придворного общения в России XVIII в. // Вестник Мордовского университета. – 2013. – № 3. – С. 58–63.
18. Скоробогатов А. В., Макарова Н. И. «Прадеду правнук»: образ Петра I в философии власти императора Павла I // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2004. – № 3. – С. 18–24.
19. Степанов В. П. Порошин Семен Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века. – СПб.: Наука, 1999. – Вып. 2. (К-П). – С. 477–479.
20. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. – М.: Наука, 1991. – 288 с.

Oksana A. Farafonova

Genre Originality of Diary Notes by S. A. Poroshin

The article is devoted to the identification and description of the genre specifics of the diary of the educator and teacher Paul I by S. A. Poroshin, which has the author's title "Notes serving the history of His Imperial Highness the Right-Believing Sovereign Tsarevich and Grand Duke Pavel Petrovich" (1765–1766). The monument of Russian memoirs is analyzed in the context of the main trends in Russian culture and literature of the second half of the 18th century. It is concluded that Poroshin's "Notes..." are at the junction of two leading trends in the development of Russian memoirs in the 18th century, combining the features of memoirs dedicated to a historical person or event, the contemporary of which the author was, and autobiographical motifs. The author's point of view and his concept of educating an enlightened monarch becomes the beginning, uniting discrete daily records about Poroshin's tenure as a "cavalier" under the heir to the throne into a single narrative, which aims to demonstrate the process of becoming a future ruler's personality. Separate episodes line up in a single cumulative plot, the main character of which is young Pavel Petrovich. Poroshin himself appears in his diary not only as a witness to the situations described, but as an omniscient and reflective author about the possible causes and consequences of what he saw and heard.

Key words: S. A. Poroshin, diary, memoirs, historical and biographical anecdote, apophtegma.

For citation: Farafonova, O. A. (2023) Zhanrovoe svoebrazie dnevnikovyh zapisok S. A. Poroshina [Genre Originality of Diary Notes by S. A. Poroshin]. *Art Logos – The Art of the Word*. No. 4. Pp. 10–27. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_10. EDN: DCJYDZ

References

1. Bahareva, N. U., Semenov, V. A. (2015) Glas istinnogo dolga i userdiya [The voice of true duty and diligence]. Poroshin S. A. *Zapiski, sluzhashchie k istorii Ego Imperatorskogo Vysochestva blagovernogo gosudarya cesarevicha i velikogo knyazya Pavla Petrovicha* [Poroshin S. A. Notes serving the history of His Imperial Highness the right-believing sovereign Tsarevich and Grand Duke Pavel Petrovich]. Moscow: Kuchkovo pole Publ. Pp. 5–13. (In Russian).
2. Bilinkis, M. Y. (1995) *Russkaya proza XVIII veka: Dokumental'nye zhanry. Povest'. Roman* [Russian prose of the 18th century: Documentary genres. Tale. Novel]. St. Petersburg: SPbGU Publ. (In Russian).
3. Bugrov, K. D. (2009) «Diskurs Montesk'e»: rol' intellektual'nyh zaimstvovaniy v politicheskikh proektakh N. I. Panina [«Discourse of Montesquieu»: the role of intellectual borrowings in the political projects of N. I. Panin]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki – News of the Ural State University. Series 2: Humanities*. Vol. 66. No. 4. Pp. 32–43. (In Russian).
4. Bugrov, K. D. (2010) «Delo Volynskogo» v politicheskom kontekste nachala 60-h gg. XVIII v.: N. I. Panin i Ekaterina II [«The case of Volynsky» in the political context of the early 60s. 18th century: N. I. Panin and Catherine II]. *Nauka i sovremennost' – Science and modernity*. No. 1–1. Pp. 114–118. (In Russian).
5. Gotovtseva, O. G. (2018) «Dostojnejshhee uprazhnenie uchenogo cheloveka»: literaturnye perevody v pervom russkom zhurnale [«The worthy exercise of a learned person»: literary translations in the first Russian journal]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika – Bulletin of RUDN University. Series: Literary criticism. Journalism*. Vol. 23. No. 4. Pp. 466–476. (In Russian).
6. Dudnikova, O. G. (2014) Vospitanie i obrazovanie carskikh detej: evolyuciya sistemy. Vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX veka [The upbringing and education of royal children: the evolution of the system. Second half of the 18th – first half of the 19th century]. *Aksiologicheskie problemy pedagogiki: sbornik nauchnykh trudov* [Axiological problems of pedagogy: a collection of scientific papers]. Smolensk: SmolGU Publ. Pp. 55–63. (In Russian).
7. Zapadov, A. V. (1974) *Opasnyj dnevnik* [Dangerous Diary]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
8. Zorin, A. L. (2016) *Poyavleniye geroya: Iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka* [The emergence of a hero: from the history of russian emotional culture of the late 18th – early 19th centuries]. Moscow: New Literature Observer Publ. (In Russian).
9. Konkova, O. U. (2015) Lichnost' imperatora Pavla I v ocenках francuzskikh i russkikh memuaristov [The personality of Emperor Paul I in the estimates of French and Russian memoirists]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii – Bulletin of RUDN University. Series: History of Russia*. No. 2. Pp. 104–108. (In Russian).
10. Lelina, L. I. (2016) Formirovanie sistemy bucheniya i vospitaniya naslednikov prestola v imperatorskoj Rossii [Formation of the system of education and upbringing of the heirs to the throne in Imperial Russia]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya – Almanac of modern science and education*. No. 6 (108). Pp. 54–59. (In Russian).
11. Nikanorova, E. K. (2001) *Istoricheskiy anekdot v russkoj literature XVIII veka: Anekdoty o Petre Velikom* [Historical anecdote in Russian literature of the 18th century: Anecdotes about Peter the Great]. Novosibirsk: Sibirskij khronograf Publ. (In Russian).
12. Nikanorova, E. K. (2009) Motiv neuznannogo imperatora v ego syuzhetnyh i tekstovyh modifikacijah (na materiale istoricheskikh anekdotov XVIII – pervoj poloviny XIX vekov [The motive of the unrecognized Emperor in its plot and text modifications (on the material of historical anecdotes of the 18th – first half of the 19th centuries)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal – Siberian Philological Journal*. No. 1. Pp. 36–47. (In Russian).
13. Peskov, A. M. (2003) *Pavel I* [Paul I]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian).
14. Poroshin, S. A. (2015) *Zapiski, sluzhashchie k istorii Ego Imperatorskogo Vysochestva blagovernogo gosudarya cesarevicha i velikogo knyazya Pavla Petrovicha* [Notes for the history of His Imperial Highness the blessed overreign tsarevich and grand duke Pavel Petrovich]. Moscow: Kuchkovo pole Publ. (In Russian).

15. Proskurina, V. U. (2006) *Mify imperii: Literatura i vlast' v epohu Ekateriny II* [Myths of empire: Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian).

16. Sergeev, V. I. (1999) *Pavel I* [Paul I]. Rostov-on-Don: Fenix Publ. (In Russian).

17. Skoptsova, E. A. (2013) Kurtagi kak odna iz form svetskogo pridvornogo obshcheniya v Rossii XVIII v. [Kurtagi as one of the forms of secular court communication in Russia in the 18th century]. *Vestnik Mordovskogo universiteta – Bulletin of the Mordovian University*. No. 3. Pp. 18–24. (In Russian).

18. Skorobogatov, A. V., Makarova, N. I. (2004) «Pradedu pravnu»: obraz Petra I v filosofii vlasti imperatora Pavla I [«Great-grandfather's great-grandson»: the image of Peter I in the philosophy of power of Emperor Paul I]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii – Bulletin of RUDN University. Series: History of Russia*. No. 3. Pp. 18–24. (In Russian).

19. Stepanov, V. P. (1999) Poroshin Semen Andreevich [Poroshin Semyon Andreevich] *Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka. Vyp. 2. (K–P)* [Dictionary of Russian writers of the XVIII century. Issue. 2. (K–P)]. St. Petersburg: Nauka Publ. Pp. 477–479. (In Russian).

20. Tartkovsky, A. G. (1991) *Russkaya memuaristika XVIII – pervoj poloviny XIX v.* [Russian memoirs of the 18th – first half of the 19th centuries]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Об авторе

Фарафонова Оксана Анатольевна, доцент Новосибирского государственного педагогического университета кандидат филологических наук, доцент (г. Новосибирск, Российская Федерация); e-mail: oxana.faroks@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-4205-6793

About the author

Oksana A. Farafonova, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, PhD in Philology (Novosibirsk, Russian Federation); e-mail: oxana.faroks@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-4205-6793

дата получения: 30.07.2023 г.
дата принятия: 30.09.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 30 July 2023
date of acceptance: 30 September 2023
date of publication: 30 December 2023